

А.Е. Аникин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

К истории и типологии русских старожильческих говоров Сибири

Аннотация: В статье рассматриваются исторические и типологические особенности лингвистической географии русских старожильческих говоров в ходе их контактов с языками Сибири. Данные по истории русских сибирских слов используются для моделирования древних языковых контактов в Сибири.

The paper deals with the historical and typological features of the linguistical geography of Russian old-resident dialects in the framework of their contacts with the native languages of Siberia. The data on the history of Russian Siberian are used for modeling ancient language contacts in Siberia.

Ключевые слова: история языка, лингвогеография, русский язык, говоры, языки Сибири.

History of language, linguistical geography, Russian language, dialects, languages of Siberia.

УДК: 811.161.1–25(571)

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН. Тел. (383) 3305345. E-mail: alexandr_anikin@mail.ru.

1. Опыт конспекта истории старожильческих говоров Сибири

Во второй половине XX в. основные разновидности русского языка в Сибири были представлены слабо выраженными местными вариантами литературного языка (большая часть русскоязычного населения к востоку от Урала) с примесью просторечия и жаргона, говорами поздних (с конца XIX – начала XX вв.) переселенцев и говорами старожилов – потомков первопроходцев и ранних русских насельников Сибири (XVII – XVIII вв.). Ранние свидетельства о русском языке в Сибири содержатся в памятниках русской сибирской письменности, а также в материалах, собранных учеными и путешественниками XVII – начала XIX в. (Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, С.П. Крашенинников, Г. Спасский и др.). Значительные диалектные данные были собраны и опубликованы, особенно в XX в., в виде словарей и иных собраний лексики. Опыт обобщения этого материала представлен в огромном «Словаре русских говоров Сибири» [Федоров, 1999–2006], в который, к сожалению, в полном объеме включены данные словаря Л.Е. Элиасова [Элиасов, 1980], не вызывающие доверия (см. об этом: [ЭСРДС, с. 17–26])¹ и радикально искажающие лингвогеографию русской сибирской диалектной лексики.

С лингвистической точки зрения из всех разновидностей русского языка в Сибири наибольший интерес вызывают диалекты или говоры (эти обозначения здесь не дифференцируются) старожилов, которые были и остаются основным объектом изучения диалектологов. В течение всего XX в. и в настоящее время особенности этих говоров постепенно утрачивались вследствие смешения с гово-

¹ Кроме, того [Элиасов] включается в [СРНГ] и широко используется в [ЭССЯ], не говоря о прочей научной литературе.

рами поздних переселенцев и воздействия литературного языка (через образовательные учреждения, армию, средства массовой информации и т. п.).

За столетия своего существования старожильческие говоры стали неотъемлемой частью языкового ландшафта Сибири, что особенно заметно на примере арктических и субарктических групп, располагавшихся по преимуществу в устьях и по течению больших сибирских рек («Полярная Русь», по хрестоматийному выражению В.Г. Богораза) Оби, Индигирки, Колымы, Лены, Анадыря, рек Камчатки и др. Относительно неплохо зафиксированы изолированные в прошлом диалекты *колымчан* нижней и средней Колымы, а также диалект *индигирищиков* в низовьях Индигирки (Русское Устье).

Второй из двух колымских диалектов прекратил существование еще в XX в., первый (в пос. Походск, отсюда название *походчане*) до недавнего времени сохранился в пассивном виде у старшего поколения.

Для этих диалектов характерно сочетание сохранившихся фундаментальных особенностей исходного «досибирского» строя с языковыми чертами, возникшими вследствие тесных контактов с коренным населением. Очень яркой чертой было, в частности, русско-колымское «сладкоязычие» (*каки мы йуские, мы... койымской найод*), обусловленное, видимо, местным (якутским и юкагирским [Коркина, 1992, с. 50]) языковым окружением и, по крайней мере, типологически связанное с таким явно древним явлением, как «аномалия плавных» (А.М. Певнов, устно) в языках северо-востока и востока Сибири (корякский, негидальский и др.) [Певнов, 1994].

Такие контакты были особенно интенсивными при ассимиляции русскими тех или иных групп аборигенов (например, юкагиров русскими *колымчанами*) или, напротив, ассимиляции русских аборигенами. Можно напомнить о вхождении в состав долганской народности русских «затундренных крестьян» на Таймыре, с чем связано возникновение оригинального пиджина на русской основе, известного как «говорка» [Гусев, 2013]. Подобные явления имели место в разных регионах, в том числе и в южной Сибири, где русские имели возможность заниматься не только рыболовством, охотой и собирательством (как на севере), но и земледелием, с сохранением традиционного для них типа хозяйства.

Усвоив многое (в особенности терминологию, связанную с промыслом) из языков коренного населения, говоры старожилков могут выступать как ценный источник по истории и диалектологии этих языков. Так, полно и надежно описанная томскими диалектологами лексика старожильческих говоров Среднего Приобья дала важные свидетельства, касающиеся центральных и южных селькупских диалектов [Хелимский, 1983], значительная часть которых была ассимилирована русскими старожилками.

Проникновение русских в Сибирь началось задолго до похода Ермака (конец XVI в.), открывшего южный путь за Урал через Поволжье, Прикамье, Урал и Тюмень / Тобольск. Очень рано (вероятно, уже к XIII в.) новгородцами был прочно освоен Чрезкаменный Печерский путь, ведущий через Заволочье в Припечерье и далее в Югорскую землю по обе стороны северного Урала. Весьма рано началось и освоение так называемого Мангазейского морского хода из Поморья (из Холмогор в устье Сев. Двины) к Ямалу, Обской и далее Тазовской губе, р. Таз, откуда к Енисею и на Таймыр [Хелимский, 2002; Аникин, 2007].

Интенсивное русское заселение Сибири началось в XVII в., и шло под московским руководством, по наиболее удобному южному пути. Однако значительную часть русских переселенцев в Сибирь в XVII–XVIII вв. составляли выходцы с севера Европейской России – из Архангельской, Вологодской, Вятской и смежных земель, на что указывают такие старые сибирские фамилии как *Колмогоров*, *Комогорцев*, *Холмогорский*, *Вологодский*, *Вяткин*, *Мезенцев* и под.

Ставшие ранними насельниками Сибири выходцы с Севера были носителями русских говоров, которые сложились на территории как бывших новгородских,

так и бывших владимирско-суздальских владений. За время длительного соседства два вида говоров сблизились, различия между ними отчасти стерлись и возникли черты единого севернорусского типа, объединяемого в частности, такой фундаментальной чертой, как оканье. В Сибирь шли и переселенцы из Средней и Южной России, но в целом за Уралом к XIX в. доминировало севернорусское диалектное начало. Имеются и новгородские реликты, например, известное на Русском Севере, но также в колымских, туруханских и прибайкальских говорах название южного и юго-западного ветра – *шелонник*. Оно объяснимо лишь при учете природно-географических реалий Новгорода: происходит от гидронима *Шелонь*, названия реки, впадающей с юга в оз. Ильмень, к северу от которого и расположен Новгород [Vasmer, 1960].

2. Нестандартные явления в лингвогеографии сибирских слов

В историческом аспекте общая картина ландшафта лексики старожильческих говоров Сибири имеет, по всей видимости, две следующих основных характеристики: 1) лексика, занесенная в Сибирь из говоров к западу от нее (и обнаруживающая преимущественно северновеликорусские связи), развертывается в пространстве, в общем, с запада на восток; 2) слова, заимствованные из аборигенных языков Сибири, локализуются в зонах контактирования русских говоров и соответствующих языков (обско-угорские, эвенкийские, бурятские и прочие заимствования). Но есть и факты, которые не укладываются в эту картину.

Ранее уже обращалось внимание на случаи проникновения заимствованных русских диалектизмов с Камчатки в бассейны Колымы и Индигирки, т.е. в противоход общему направлению «запад > восток» [Аникин, 1987]¹. Направление диффузии слова видно по языку-источнику заимствования. Его направление при необходимости обозначается ниже знаком <. Интересно (хотя, скорее всего случайно), что некоторые из приведенных ниже пяти слов прямо или косвенно связаны с женщинами (женская одежда; орудие женского по преимуществу труда – скребок; мужчины измененного пола, см. об этом далее).

Рус. (Колыма) *аут* ‘каменное или железное острие, вставленное в середину палки, для очистки мездры у сырых шкур’ наряду с рус. (Камчатка) *аут* ‘то же’ [СРНГ, вып. 1, с. 293] происходит из ительм. *awūt* или коряк. *ав’ыт* ‘кремневый скребок’ [ЭСРДС, с. 102]². Заимствование слова на Камчатке при наличии его в русско-колымских говорах естественно понять как следствие его диффузии с востока на запад. Менее вероятно заимствование в колымские говоры из утраченного чукотского рефлекса прачук.-кор. **awt(a)* [Мудрак, 2000], в чукотском для скребка иное название. Уже из русского слово попало в якут. (Колыма) *ābut*, эвен. (Омолон) *āут* [ЭСРЗ, с. 74–75].

Рус. (Колыма) *жупан* (*супан*) ‘название человека измененного пола (мужчины, считающего себя женщиной, исполняющего женские работы и носящего женскую одежду)’ [Богораз, 1939, с. 134] – то же самое слово, что рус. (Камчатка)

¹ К сожалению, в [Аникин, 1987] были широко использованы ненадежные данные [Элиасов], результатом чего стали также примеры диффузии русской лексики в Забайкалье с Камчатки и Северной Якутии. Эти примеры следует признать невероятными, как и «забайкальско-камчатские» и «забайкальско-якутские» слова *аут*, *отол*, *камель*, *каргин*, *марик*, *опана*, *укенчина*, *упован*, *хоньбы*, *чаут*, *кангаласец*, *идыгейка*, *ивахи*, *хайлак* и т. п. в [Элиасов].

² В статье используются следующие сокращения в названиях языков и диалектов: ительм. – ительменский; коряк. – корякский; нан. – нанайский; нивх. – нивхский; прачук.-кор. – прачукотско-корякский; сельк. – селькупский; чук. – чукотский; эвен. – эвенский; эвенк. – эвенкийский; юкагТ – юкагирский тундренный; якут. – якутский.

жураны мн. ч. «мужики, женскую должность отправляющие» XVIII в. [Крашенинников, 1949, с. 695] от *журан* ‘другой (не через дымоход) выход из юрты’ [СРКН, с. 60]. «Преображенный» мужчина получил свое название по обозначению «женского» выхода из жилища. Последнее было усвоено из ительменского источника типа *shoponah* ‘название входной двери зимней хижины камчадалов (вход для женщин и мужчин, считавших себя женщинами; мужчины пользовались входом через крышу)’ [Богораз, 1939, с. 134; ЭСРДС, с. 207]. По разъяснению академика Г.Ф. Миллера, крупнейшего исследователя Сибири (XVIII в.): «На Камчатке имеются также лица мужского пола, которые, вопреки природе, разрешают использовать себя для разврата с задней позиции. Их называют на языке этой страны *Tschurapa*ми. Но их ненавидит вся мужская часть населения и все с ними неохотно общаются. Они живут среди женщин, выполняют все женские работы и одеваются по-женски» [Миллер, 2009, с. 151].

Рус. (Индибирка) *улуван* ‘нижняя часть подола у одежды’ [Чикачев, 1990, с. 163] связано с рус. (Камчатка) *упаван*, *упован* ‘край подола у кухлянки’ [Даль, т. 4, с. 500, 502] < коряк., ср. *ыпваны*, чук. *ып-* в *ып-чормын* ‘опушка меховой одежды, кайма’. Нельзя однако исключить заимствование из утерянного чукотского источника. ЮкагТ *араван* ‘обшивка нижней части дохи’, видимо, из русского [ЭСРДС, с. 2000].

Рус. (Колыма) *хонбы* ‘женская чукотская одежда, состоит из широких кожаных штанов, сшитых вместе с корсажам’ [Богораз, 1901, с. 155] не отделимо от рус. (Камчатка) *хоньбы* ‘коряцкая женская одежда из собачины’, ‘женское коряцкое платье: весьма широкие штаны, сшитые вместе с корсажем’ [Даль, т. 4, с. 560; СРКН, с. 183]. Слово происходит из ительм. (письменное сообщение А.П. Володина) *хо́йрәү* ‘женское нижнее платье (сшитые вместе штаны и душегрейка) и отмечается уже в середине XVIII в. [Крашенинников, 1949, с. 396, 434 и др.]). По всей видимости, проникло с Камчатки на Колыму. Данных о заимствовании из чукотского как будто нет.

Рус. (Колыма) *чаут* ‘аркан, ласса’, *чаутья* ‘арканы’ [Богораз, 1901, с. 155] тождественно рус. (Камчатка) *чаут*, *чавут* ‘род ременного аркана (у коряков)’ [Даль, т. 4, с. 584] < коряк. *чав’ат* ‘аркан’, родственного чук. *чаат* ‘то же’ [Мудрак, 2000, с. 131]. Из коряцкого и эвен. *чавът* ‘аркан, лассо’ [ТМС, т. 2, с. 375]. Якут. (Колыма, Индибирка) *чаабык*, *чаабыт*, *чаамык* ‘аркан’, скорее всего, усвоено через русское посредство, а не прямо из чукотского (ср. [Коркина, 1992, с. 109]).

Приведенные русские данные, по-видимому, могут быть использованы для моделирования «дорусских» языковых отношений в Сибири, в частности, возможных древних связей между Восточной и Западной Сибирью (селькупский и др. самодийские языки), с одной стороны, и Дальним Востоком (южные тунгусо-маньчжур, нивхи), с другой (см. также: [Аникин, 2010]).

Речь идет, в частности, о соображениях Е.А. Хелимского ([Хелимский, 2000, с. 281]; развито в [Аникин, Хелимский, 2007, с. 23–24]) относительно наличия самодийских элементов в лексиконе южных тунгусо-маньчжуров (не говоря о тунгусах) и диффузии самодийской лексики с запада на восток, что внешне совпадает с основным вектором распространения лексики в процессе русской колонизации северо-восточной Евразии.

Эта проблематика непосредственным образом связана с проблемой локализации прародин тунгусо-маньчжуров. Согласно концепции Е.А. Хелимского (изложено в [Аникин, Хелимский, 2007]), она локализовалась в Прибайкалье. По концепции А.М. Певнова, ее локус находился гораздо восточнее, в Приамурье [Певнов, 2008].

В духе приведенных русских примеров, выпадающих из основного вектора распространения русской сибирской лексики, как будто можно истолковать, скажем, выявленную А.М. Певновым связь между эвенк. *лонъама* ‘серп луны’ и нивх.

loŋŋlami ‘полумесяц’ (< *loŋ* ‘луна’ + *ŋlami* ‘половина’), которую он сам [Певнов, 1994, с. 132] интерпретирует не только как результат (бесспорный) проникновения лексики из низовьев Амура в бассейн Подкаменной Тунгуски, но, в конечном счете, и как аргумент в пользу приамурского локуса прародины тунгусо-маньчжуров [Певнов, 2008]. То же касается и некоторых других фактов, в частности, нан. *qori* и т. п. ‘сруб-амбар для провизии’ при сельк. (Таз) *korym* ‘лабаз’ ([Певнов, Урманчиева, 2008/2009, с. 543–544]; ср. иначе [Аникин, Хелимский, 2000, с. 158]). С позиций приамурской концепции прародины тунгусо-маньчжуров подобные примеры совпадают с предполагаемым общим направлением диффузии лексики (с востока на запад), выделяясь лишь большей доказательностью. С позиций же прибайкальской концепции [Хелимский, 2000, с. 279; Аникин, Хелимский, 2007, с. 18–20], эти примеры выглядят как исключения из общей картины наподобие указанных выше рус. диал. *жупан*, *аут*, *упуван*, *хоньбы*, *чаут*.

Е.А. Хелимский, к сожалению, не успел ознакомиться с концепцией А.М. Певнова, хотя в сентябре 2007, за три месяца до своей смерти, узнал о ее существовании. Его мнение по этому поводу свелось к следующему (устно). Он отнюдь не исключал амурской прародины тунгусо-маньчжуров, но делал оговорку: каким образом при этом могут быть объяснены древние самодийско-тунгусо-маньчжурские параллели, в особенности праязыковые (см. также: [Аникин, 2010, с. 29]). По концепции А.М. Певнова вопрос о самодийско-тунгусо-маньчжурских контактах на праязыковом уровне ставить, по существу, невозможно. Подобную точку зрения, хотя и на иных основаниях, высказывал в свое время Ю. Янхунен [Janhunen, 1977].

Литература

- Аникин А.Е. О лингвогеографическом аспекте изучения русской сибирской лексики // *Этимология* 1985. М., 1988. С. 71–77.
- Аникин А.Е. Три пути русских за Урал: свидетельства языка // *Сибирский филологический журнал*. Новосибирск, 2007. № 1. С. 70–76.
- Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007.
- Аникин А.Е. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи: *postscriptum* // *Gedenkschrift für Eugen A. Helinski. Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Hamburg, 2010. Bd. 32/33. С. 25–34.
- Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия // *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук*. СПб., 1901.
- Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Часть II. Л., 1939.
- Гусев В.Ю. История говорки (русского таймырского пиджина) по лингвистическим данным // *Русский язык в научном освещении*. 2013. № 25 (1).
- Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск, 2003.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
- Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. Изд. подготовили А.Х. Элерт, В. Хинцше. М., 2009.
- Мудрак О.А. *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*. М., 2000.
- Певнов А.М. Рефлексы вибранта в негидальском на фоне родственных ему языков // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1994. Т. 85. С. 125–147.
- Певнов А.М. Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // *Вопросы языкознания*. 2008. № 5. С. 63–83.

Певнов А.М., Урманчиева А.Ю. Неординарная изополисемия в некоторых языках северной Азии // *Gedenkschrift für Eugen A. Helinski. Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010. Bd. 32/33. S. 519–556.

Хелимский Е.А. Селькупские заимствования в русских диалектах // *Советское финно-угроведение*. 1983. Т. 19. № 3. С. 202–216.

Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.

Хелимский Е.А. Трансьевразийские аспекты русской этимологии // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 4 (2). С. 75–90.

Федоров А.И. Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.

Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.

Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Vasmer M. Die russische Kolonisation im Spiegel der Sprache // VI. Internationaler Kongreß für Namenforschung. Bd. I. München, 1960. S. 80–93.

Janhunen J. Samoyed-Altai contacts – present state of research // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1977. Т. 158. P. 123–129.

Сокращения

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1–4.

СРКН – Браславец К.М., Шатунова Л.В. Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966– . Вып. 1– .

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975–1977. Т. 1–2.

ЭСРДС – Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.

ЭСРЗ – Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974– . Вып. 1– .